

Портрет работы художника Рудольфа Хачатряна.

знаний своим поэтическим ясновидением».

...В разгаре «Год Пушкина», названный так литературной общественностью в связи со 150-летием со дня гибели поэта. Пушкинские юбилеи имеют свои давние традиции. В 1899 году, например, Д. С. Мережковский в журнале «Мир искусства» так сообщал о торжествах в России по случаю столетия поэта: «Дремавшие академии пробуждаются, и какое-то министерство заказывает 40 000 гипсовых пушкинских

бюстов, и кто-то изобретает игру «Смерть Пушкина», — лото или карты, ...и готовятся пушкинские велосипедные гонки и пушкинский шоколад, и совершается рождение Пушкина в Суворинском театре с облаками, амурами, грозами и молниями...». Конечно, времена меняются, но и в наши дни наряду с проявлениями величайшей народной любви к поэту (тираж «безлимитной» подписки на трехтомное собрание сочинений Пушкина превысил 10 миллионов!) бросаются в

глаза признаки «пушкинского бума», в том числе и на уровне массовой культуры.

Штутгартский театр (ФРГ) привез на гастроли в СССР балет «Евгений Онегин», а в Москве и Ленинграде в хореографическом спектакле «Пушкин» на музыку А. Петрова уже не пушкинский герой, а сам поэт танцует па-де-де со своей музой на фоне вышеупомянутых облаков, амуров, гроз и молний. В киосках «Союзпечати» продаются почтовые марки далекого Мадагаскара с миниатюрным портретом Пушкина, а новые гранитные памятники поэту установлены уже и в Испании, и в Финляндии, и даже на острове Маврикий!

Предприимчивые зарубежные виноделы торгуют водкой «Граф Пушкин». От них стремятся не отставать отечественные поклонники пушкинского таланта. Недавно, например, газета «Московский комсомолец» в традиционной рубрике «Приятного аппетита» предложила подборку кулинарных рецептов. Вот оригинальный грибной салат: «Отварное филе трески, дольки соленых грибов и некрупные шляпки маринованных грибов заправьте смесью майонеза и горчицы, выложите горкой в тарелку». Как же называется этот деликатес? Увы — «Медный всадник»!

...Многое показал «Год Пушкина». И непреходящую власть, и очарование пушкинского слова и пушкинской личности, и, к сожалению, утраченные ныне позиции пушкинистики как авангарда отечественного литературоведения. Ушли поколения старых профессоров — дотошных знатоков биографии и произведений поэта, а новая поросль пробивается медленно и разобщенно. Сегодня наша наука и издательское дело в долгу перед Пушкиным, перед его читателями: только начинается работа над Полным академическим собранием сочинений поэта, не приступали еще к Пушкинской энциклопедии, ждет своего завершения «Летопись жизни и творчества Пушкина».

А люди тянутся к поэту, к его стихам и к книгам о нем, они до сих пор переживают его трагическую гибель, презирают и проклинают убийцу гения.

В первую неделю июня по всей стране проходит XXI Всесоюзный пушкинский праздник поэзии. Праздник бессмертия его лиры.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», — заметил Пушкин в романе о царском арапе. В дни пушкинского праздника мы вновь следуем за самим поэтом, за его мыслями, за его героями. Звучат его стихи в пригородах Ленинграда и в рощах Михайловского, в украинской Каменке и в аллеях Болдинского парка, в декабристских местах Сибири и у подножия прославленного памятника в Москве. Год Пушкина продолжается.

Алексей БУКАЛОВ

Наш Пушкин

Каждый год 6 июня мы отмечаем
день рождения великого поэта

Тонкий знаток творчества и биографии Пушкина, замечательный советский писатель Ю. Н. Тынянов задумал в начале тридцатых годов написать роман «Ганнибалы» — о далеких африканских предках великого русского поэта (сохранилось лишь вступление к этому роману). Почему именно о них? Не только потому, что сам Пушкин придавал большое значение своей родословной. Но и потому, что в те годы пыльным цветом расцвели расовые теории фашизма и рассказ о Ганнибалах получил дополнительное — антифашистское и антирасистское — звучание.

Недавно в Москве проходил IX Международный конгресс по эфиопским исследованиям. На одной из секций разгорелся спор о происхождении пушкинского прадеда: эфиопские ученые не сомневаются в «абиссинской» версии, но раздаются голоса и в пользу суданской и даже кенийской. Так, наверное, города древней Эллады спорили за право называться родиной Гомера!

Сам Пушкин не располагал документальными подтверждениями «абиссинского» происхождения прадеда, они не обнаружены и по сей день. Однако стремление понять и «приблизиться» к экзотической родине предков удивительно емко отразилось в пушкинской формуле «моя Африка».

«Природа Африки моей его в день гнева породила» — так записан вариант строфы стихотворения «Анчар».

В годы южной ссылки Пушкин думает о победе:

И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России...

С легкой руки Пушкина это выражение — «моя Африка» — стало крылатым. Первым отозвался Лермонтов парфразом «В горах Шотландии моей...». Спустя столетие его вспомнил В. Набоков, чтобы

В горах Америки моей
Вздыхать по северной России...

В самом начале нынешнего века другой русский поэт завоевал право сказать «моя Африка». Им был Николай Гумилев, совершивший три путешествия в глубь Черного континента, по горам и лесам Эфиопии:

Оглушенная ревом и топотом,
Облаченная в пламень и думы,

О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.

«Моя Африка» — назвал Борис Корнилов свою поэму об африканце Вилане, красном командире, герое гражданской войны в России.

«Моя Африка», — говорил Пушкин, как мы сегодня говорим «Мой Пушкин!». Именно так — «Мой Пушкин» — называли свои книги Валерий Брюсов и Марина Цветаева. Кое-кто иронизировал по сему поводу (нашлись, мол, собственники!). А в этом, наверное, просто звучит очень личное отношение к Пушкину. Просто любовь. (И желание навсегда отобрать его у того, кто, пожалуй, первым произнес «Мой Пушкин» — вспомним слова Николая I после аудиенции в Чудовом дворце Московского Кремля 8 сентября 1826 года: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин!»...)

Во многих стихотворениях, статьях, автобиографических заметках поэта присутствует образ чернокожего предка — генерала Ганнибала и его далекой родины. В одном из писем к Вяземскому Александр Сергеевич как-то признался: «Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу». Можно спорить, о каких краях мечтает здесь поэт, но то, что Африка ярко и зримо нанесена на карту пушкинской фантазии, — факт бесспорный. «Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которую не видал бы собственными глазами», — подчеркнул Пушкин.

Воображение поэта устремляется туда, где «темная, знойная ночь объемлет Африканское небо...». «Горит ли Африканский день, Свежеет ли ночная тень...», — сказано в стихах о Клеопатре.

Комментируя другие его строки: «Я вижу берег отдаленный, Земли полуденной волшебные края», В. Брюсов заметил, что это — определение, равно подходящее к Испании, к Индии или к Африке.

Сравнительно недавно в архиве русского египтолога и дипломата И. А. Гулянова был найден рисунок египетской пирамиды со следующей пояснительной записью, сделанной ученым в 1831 году по-французски: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я

имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и о иероглифических знаках в частности». Об этой встрече есть упоминание в «Рассказах о Пушкине», записанных П. И. Бартеневым: «Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гулянов, встретившись с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гулянова своими светлыми мыслями, меткими, верными замечаниями» (свидетельство П. В. и В. А. Нащокиных).

«Сколько лет путешествие было приятнейшей мечтою моего воображения!» — мог бы вслед за Карамзиным воскликнуть Пушкин. «Граница, — писал он в «Путешествии в Арзрум», — имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России».

Пушкину так и не удалось «вырваться» из России: царское правительство запретило поэту выезд за рубежи империи, «к пределам дальним». Ему было отказано и в поездке в Европу, и в участии в миссии на Восток — в Китай. Издевательски вежливые резолюции графа Бенкендорфа сводились к одной формуле: «не сочтено целесообразным». Но слава Пушкина разнеслась далеко по белому свету — первые переводы его стихов появились еще при жизни во Франции и Италии. А вещие слова поэта о его известности «во всем подлунном мире» сбылись в наше время: несмотря на трудности перевода, Пушкин звучит по-японски и по-арабски, по-венгерски и по-китайски... Интерес к нему не просто дань любопытству — иностранного читателя не может не привлекать «всемирная отзывчивость» пушкинского творчества, подмеченная еще Ф. М. Достоевским.

Среди проблем, волновавших Пушкина, немало таких, которыми мучаются и сегодня мыслители и политики. В бумагах, опечатанных жандармами в кабинете поэта после его смерти, сохранился набросок на французском языке, получивший условное название «О вечном мире». Поэт всматривается в грядущий век: «Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как они уразумели существо рабства, царской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными». В стихах, посвященных великому польскому поэту А. Мицкевичу, Пушкин мечтал о временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Пушкинские заветы, мечты дороги и близки нынешним поколениям. В. Ф. Одолевский как-то сказал о нем: «Он умеет освещать обширную массу фактов».